

Валдай. На рыбалке

Александр Ширвиндт: мы были голодные, а отели, где мы жили, были шикарны

Ошибочно думать, что про путешествия лучше всего знают новые русские. Гораздо богаче опыт у тех, кто мог путешествовать, когда большинство обычных граждан не имели возможности перебраться за железный занавес. Один из таких избранных — Александр Ширвиндт, путешествовавший и в советскую, и в постсоветскую эпоху. Корреспондент gzt Артур Соломонов встретился с Александром Ширвиндтом.

интервью

Давайте начнем с путешествий за границу, которые вы совершали в советское время. Например, ваше «открытие Америки». Первое путешествие в Америку... Это была туристическая поездка от Союза кинематографистов. Тогда не знали еще, где Америка находится. Тысячу раз проверяли списки. Вызывали по всем инстанциям. А после нас разбили по четверкам, и во главе каждой четверки поставили главного. Это было очень опрометчивым решением: мы сразу поняли, что каждый начальник четверки имеет отношение к определенной организации.

Это было страшное испытание, потому что первый раз в жизни нам дали суточные. Дали нам что-то около двухсот долларов. Представляешь, сколько это в те годы в пересчете на рубли? Умножай на сколько хочешь. Тогда джинсовый костюм где-нибудь на развале можно было купить за семь долларов... И мы набрали сыру, хлеба, сухой колбасы, чтобы ничего не дай Бог, не потратить на еду. Все похудели. Вот диета! Я приехал как спичка. Потому что не было сил купить яблоко, когда вместо него можно купить авторучку. Тогда же у нас ничего этого не было и в помине. И все наивно поворачивали. Например, когда летели из города в город на их внутренних линиях, клали в сумки пластмассовые вилочки, ножики, стаканчики... А уж их мыло, шампунь — это была мистика!

Я жил тогда, в ту поездку в Америку, в номере с Владимиром Петровичем Ушаковым, мужем Веры Кузьминичны Васильевой. Он человек пунктуальный и точный и расписал все наши завтраки и обеды: сыр, «Дружба», хлебец, растворимый кофе — все было расписано на две недели. Утром — одна галета, намазанная половиночкой «Дружбы», и кофе. Из каких-то страшных желтых паке-

тиков мы высыпали сухое молоко в наш кофе. Молоко это мне казалось очень странным по вкусу. И только к концу поездки я догадался прочесть на пакетике, что за молоко я пью. Оказалось, «сухое грудное молоко». То есть, Владимир Петрович в какой-то женской консультации спер эти пакетики. И на две недели я впал в детство... Словом, все наши поездки были связаны с нищетой.

Сейчас проявляется этот инстинкт советского человека за границей? Конечно, проявляется, ведь никто же не миллионер... Все едут на суточные. Просто театры стали выезжать намного чаще. А ностальгия по тому, чтобы побольше поесть и поменьше истратить, присутствует. Сейчас мы разгулялись, но все равно есть атавизмы.

Но теперь чаще всего — приехал и ворчишь: «Это номер не тот! Где вы питаетесь? Тут хороший шведский стол, там похуже...» И кроме изжоги и скуки, ничего. А когда полдня ищешь пропитание! Но главный ужас был в том, что все мы были голодные, а отели, где мы жили, были шикарны. Бассейны, рестораны, бары — а куда нельзя! На крыше одного из отелей, где мы были, находился бассейн, и стоял там аппарат со льдом. Пить-то хочется, а покупать питье — ни в коем случае! Вставляешь пластмассовый пустой стаканчик, нажимаешь кнопку, туда сыпется лед, а сверху — несколько капель сиропа. Потом этот лед аккуратно выковыриваешь, оставляя только сироп. И так несколько раз. Когда сиропу набирается достаточное количество, тогда наконец лед мы оставляем в стакане, ждем, пока он растает. И так готовится сладенькая вода — почти пепси-кола.

Но в странах соцлагеря, наверное, разница между советской жизнью и жизнью «там» была не столь очевидной? С Андрюшей Мироновым мы ездили в Болгарию с творческими вечерами в Сатирический театр в Софии. Сказать болгарам, что мы нищие — конечно, нельзя было, но они догадывались. Друзья послали на Золотые Пески, сняв нам номеришко. У нас с собой было по двести левов, все было расписано. Но шпана же, и эти двести левов улетели через два дня. И доживали мы свой отпуск в страшной нищете. Последний день. Когда за нами должны были приехать. У нас уже ничего не было. Хоть воруй. Последние два дня мы питались исключительно попкорном. И кофе, который стоил пятьдесят стотинков. Опускаешь деньги в автомат — падает стаканчик, в стаканчик — сахар, льется кофе, и сверху спускается ложечка.

А в последний день нас пригласили русские туристы выпить с ними сливовицы. Выпили. А наутро — просто не разлепляется рот. Голова гудит. И мы поперлись принимать свой завтрак — попкорн и кофе. Купили попкорн, опускаем деньги в автомат, и — кофе льется, падает сахар, ложечка... А стаканчики у них кончились!.. Вот так мы питались за границей. Но все это было очень весело.

Не мы одни побирались, немцы, например, тоже попрошайничали. Помню, там был отель для русских туристов, и мы невдалеке фланировали, чтобы кто-то нас узнал и пригласил. Приходим утром туда, жара стоит. Видим — на берегу навес, внизу сосиски продают, блинчики — она стоила всего один лев шестьдесят пять стотинков!

Помните до сих пор? Милые цифры? Конечно, помню. То есть бутылка пilsки стоила около двух рублей. Потрясающе! Но все равно не было. Так вот, видим мы с Андреем под этим навесом такую сцену. Сидит под навесом замечательный наш турист — все купаются, он сидит под навесом. У него две бутылки пilsки, одна уже пустая, другая начатая, сосиска лежит, и рядом сидит немец. Рыжий. И наш немец угощает и разговаривает с ним. По-немецки наш — ни одного слова, немец по-русски — столько же. Но так как русский угощает, немец сидит, пьет и слушает. А наш, видимо, давно на море и загорел довольно своеобразно: загорал он в майке, и теперь на нем была майка из тела. А руки и шея — красно-коричневые. Он из Магнитогорска. Говорит: «Я — сварщик». Немец: «О, я-я, я-я!» — «Да не ты, б... а я, я сварщик! Я варю трубы, диаметр — полтора метра!» — «О, я! Я-я!» — «Да не ты, б...! Трубы!.. А когда я здесь купаюсь, я потом обязательно обмываюсь!» — «О, я-я!» — «Да не ты!» И этот диалог благодаря пilsке длится бесконечно... Так что на шару любили выпить не только мы. Вообще «наши за границей» — об этом роман надо писать...

А что это за история с тремя «гэбэшными» начальниками и биде? В театральном кругу она довольно известна. Это было, еще когда я в театре служить не начал. Театр поехал на гастроли в Париж. А тогда и не предполагали, что такое возможно вообще — в Париж поехать, поэтому инструкции, предупреждение о провокациях — ну все как надо. Начальники были не «гэбэшные»: секретарь партийной организации, профсоюзной организации и еще один начальник оставились как высшие чины в номере, где было биде. И один использовал биде не по назначению, решив, что это унитаз. А когда нажал — все это разлетелось веером по потолку и по стенкам. И они втроем сувенирными ложками, деревянными, в подарок привезенными, все это соскребывали. Даже опоздали на какую-то явку, говорят...

Давайте отвлечемся от заграничных дел, пропутешествуем в те места, где вы рыбачили с Михаилом Державиным. Это целая история. Рыбачить мы ездили всю жизнь, это сейчас уже старые стали...

Вы как-то сказали, что никак не можете научиться стареть. Что входит в это умение? Утром встаешь, вроде все нормально, бежишь. Надо добежать, скажем, до столба. Бежишь. Столба еще и не видно, а ты уже сдох. И так во всем. Это самое страшное. Необходимость сейчас обратно пропорциональна возможностям...

Ну, так мы о рыбалке. Ездили часто под Астрахань. Поставили однажды палатку. К нам пришел верблюд. Так он и остался у нас. Мы подружились. Чем-то его подкармливали.

Но это когда было — тогда еще можно было палатку где хочешь поставить. А сейчас попробуй поставь палатку — разнесут в секунду. Где мы только не были: и в Прибалтике, и на Полтавщине, и в Карелии... Помню, когда была лигачевская война с алкоголизмом, спиртного нигде не было. А поехать на рыбалку на три недели — и там сосать лапу? И тогда, под Астраханью, по личной подписи секретаря обкома нам удалось достать яблочное вино. Это что-то наподобие тормозной жидкости с сахаром. Изжога начиналась уже тогда, когда эта сладкая жуть появлялась перед глазами... Решили мы этого не повторять, когда большой компанией собрались на рыбалку снова. Мой друг взял отпуск на телевидении и целую неделю на даче гнал самогон. Причем гнал его совершенно потрясающим способом. У него была неслыханная аппаратура, масса фильтров, марганец, какие-то листья, потом туда еще что-то добавлялось. И он нагнал десятилитровую канистру потрясающего, чистейшего семидесятиградусного самогона. Я тогда был на «Волге», Державин — на «Ниве», и в багажник к нему были поставлены все канистры: бензин,

Александр Ширвиндт, Роксана Бабаян, Михаил Державин. Пикник на трассе

масло и самогон. Приехали, расположились, отдохнули, и — пора было ехать в город за жратвой. Державин вызвался. Говорит: «Сейчас я залью бензин, потому что у меня пустой бак, и поеду». Взял канистру и льет. Льет, льет, и вдруг мы чувствуем — запах... А у Державина какой-то стопор — не может он остановиться. Ну а когда он долил... Сначала мы его убили. А потом началась каторга. Что делать? Пустой бак был, пустой совершенно. Попытались мы спирт спасти. Фильтровали чем только могли. Использовали марлю, песок, какую-то траву... Пробуем — бензин. Нос зажимаем — бензин! Не уходит этот запах. Тут мы Державина опять убили. Если продолжить эту алкогольную тему... Кто-то мне сказал, что запах алкоголя уничтожается, если выпьешь масло из-под шпрот. Тогда гаишник тебя не поймает. Я тогда был у Мишки Державина в Пестово, у нас кончилась водка, и я должен был за ней ехать. Шпроты, которые я обожаю, были сожраны, и на дне осталось только это страшное масло со шпротными хвостами. И я, сильно пьяный, ехал, а рядом был Державин, который держал всю эту жуть. А путь лежал через пост ГАИ. Вижу — гаишник меня тормозит, и я выпиваю всю эту бурду. И когда я к нему подъезжаю, он мне делает знак, давая понять, что тормозит машину, которая за мной... А во мне эта гадость. Что со мной было!

Кстати, с рыбалкой связана еще одна история. В Болгарии друг у нас появился, замечательный бармен. Наско его звали. Это было в Софии. Он нас подлаивал, подкармливал. И однажды повел он нас в магазин «Березка», чтобы сделать нам подарки. Мишке подарил он удилще. Удивительное, выдвигное, с кольцами... Поехали мы на хутор, в Прибалтику, с этим удилщем. Шикарное озеро, мостки чуть ли не в середине озера, и баня. Настоящая финская баня. Ну — сказка. Мы приехали, разложили снасти, он закинул удочку, и вдруг она, как торпеда, уплыла в неизвестность. Взял какой-то сазан или какой-то хищник, мы даже рта не успели раскрыть. И это были слезы настоящие...

С Мироновым на рыбалку вы не ездили? Нет, он червя боялся и стеснялся. Надо было за него посадить червяка, забросить, дать в руку ему удочку, и тогда он сразу засыпал... В общем, рыбак он вялый был.

В разговоре о путешествиях нельзя не упомянуть о средствах транспорта. Скажем, о поездках. Самая трагическая поездка на поезде — это гастроли в Ташкент. Мы забронировали два вагона. Ехали трое с половиной суток. Провожали нас с цветами, почти торжественно. Через четыре часа по поезду уже валялась курятина, скорлупа от яиц. А потом — чем дальше, тем становилось жарче. А когда въехали в пустыню — дышать совсем стало нечем. Водка теплая, раскаленная... Все в еде, все липкое, ужас. И вот, совершенно разморенный коллектив едет по пустыне. И никогда я не забуду этого: едем по пустыне, сутки почти едем и видим, у полотна стоит пионер и отдает салют. Маленький казахский пионер в белой рубашонке, с портфельчиком стоит посреди пустыни и отдает честь! Откуда он вырос, как гриб? Рядом ни одного населенного пункта! Где он учился, где его пионеротряд? Мираж просто. Приезжает поезд в Ташкент, стоят отцы города, пионеры, духовой оркестр, цветы... и никто не выходит. Ни одного человека. Постепенно начинают выгружаться старики, которые в дороге вели себя прилично, конечно: Токарская, Тусузов. И на перроне говорят: «А это аксакалы. Они должны были выйти первыми». А уж какие вышли вторые, третьи... Так что с центральной точки зрения это были гастроли условные. В основном это была проверка организма на крепость.

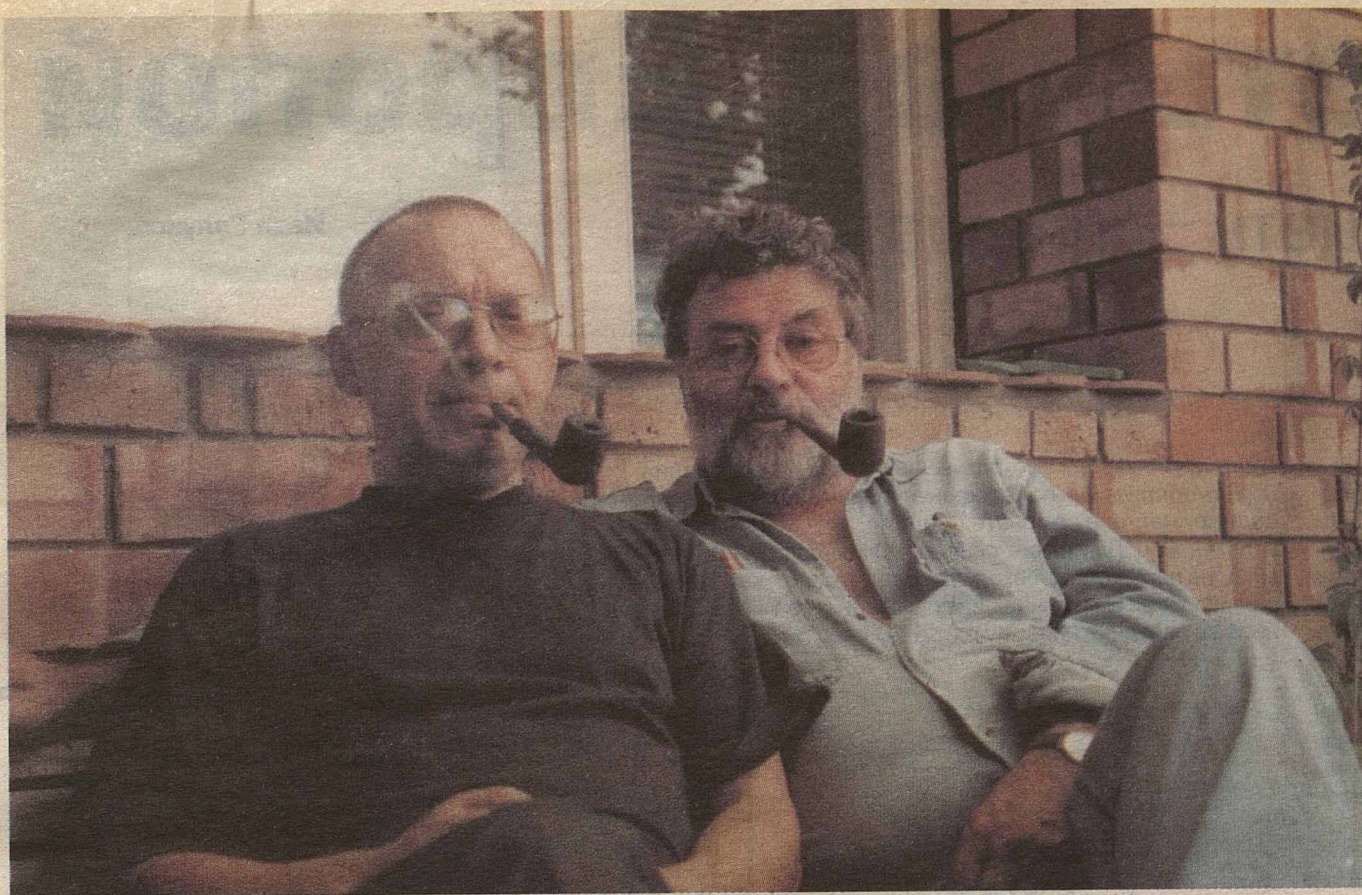
И что, обратно тоже на поезде, чтобы на того пионера посмотреть? Нет. Все полетели.

Давайте пропутешествуем еще дальше в прошлое, в то время, когда вы из своей, сотой, школы уходили в сто десятую, на танцы. Ого, чего это мы так скачем?... Ну, тебе виднее. Было раздельное обучение, мальчики отдельно, девочки отдельно. Были вечера, когда пытались сделать случку. В гимназическом зале устанавливали патефон. И по одну сторону стояла мужская школа, по другую — женская. И танцевали «шерочка с машерочкой» — мальчик с мальчиком, девочка с девочкой. А я был уже тогда разболтан и осмеливался пригласить кого-то из другой школы. А потом — крики, улюлюканья: «А Ширвиндт-то, гляди, с девкой танцует!» Так что это было очень рискованное действие.

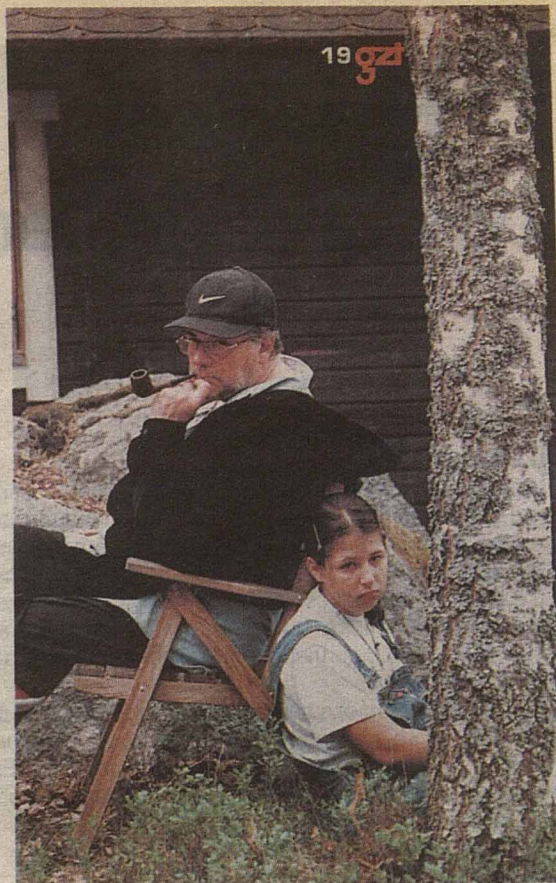

Андрей Миронов, Лариса Голубкина и Александр Ширвиндт

«Это было страшное испытание, потому что первый раз в жизни нам дали суточные. Дали нам что-то около двухсот долларов. Представляешь, сколько это в те годы в пересчете на рубли? Умножай на сколько хочешь. Тогда джинсовый костюм где-нибудь на развале можно было купить за семь долларов... И мы набрали сыру, хлебцев, сухой колбасы, чтобы ничего не дай Бог, не потратить на еду. Все похудели. Вот диета! Я приехал как спичка»

Александр Ширвиндт с режиссером Сергеем Арцыбашевым

«Не с чужой собакой, а со своей внучкой Сашей»

«Фотограф Валерий Плотников для красоты сунул мне в руки чужую собаку». Финляндия

«На каком-то отдыхе, с какой-то емкостью»

Если уж мы начали путешествовать в ваше прошлое то я хотел бы попросить вас рассказать о коммуналке в которой вы жили. Нормально жили. Шесть семей в семикомнатной квартире. Нам говорили, что коммунизм — будущее человечества, а начинался он с коммуналок. Там была масса прелестных вещей: и помощь, и поддержка. Хотя социальный срез нашей квартиры был полюсный. Дама, что жила напротив, — из библиотечной сферы, рядом с ней — семья совершенно «слесареобразная», художник со своими холстами, две полубиблиотекарши... Ну кардиограмма! И уживались, крыс друг другу не подбрасывали. И двор был, с своими законами, с главарями, которые защищали «своих интеллигентиков». Потом, конечно, они сами тебя размажут, но от чужих защитят.

А вы были в главарях или в интеллигентиках? Сначала интеллигентик, а потом, классу к пятому-шестому, стал шпаной.

Вы жили в одном доме с Фаиной Раневской. Да. Вот когда уходит какая-нибудь мощная фигура, появляется миллиард ближайших друзей, знакомых, собутыльников, соучастников. Иногда читаешь про кого-то, уже ушедшего, которого знал, и хочется броситься к перу или к телефону с опровержением. Так и с Раневской. И главное, все говорят «она мне сказала». Или «я, помню, мы шли» — вот это самое страшное. Никуда никто не шел.

Это наследники Виталия Вульфа — он, кажется, всех качал в колыбели и всех провожал в последний путь. И еще проводит. Белла Ахмадулина замечательно сказала о своем опасении: «Чтоб в нашу безответную посмертность пылливо не проник Виталий Вульф» (смеется). По-моему, гениально!.. Со мной Фаине Георгиевне приходилось пересекаться физически, поскольку мы рядом жили. Иногда она мне звонила. Помню, в последние годы, когда она болела, она мне позвонила: «Шура, мне врачи прописали дышать воздухом. Проволоки меня по двору на автомобиле». Причем она не мучилась над шуткой ночами, как некоторые. Она просто так жила, так мыслила — парадоксально. Она такой была, Папанов такой был, Тусузов. Кстати, сколько я Тусузова помню — ему всегда было девяносто пять лет. Я лет двадцать с ним работал, и ему все девяносто пять лет. Он обожал изучать некрологи. Покупал «Советскую культуру», находил нужное — говорил: «О семидесяти три года, пацан — а умер». И тут же шел прощаться. И Папанов говорил: «Ребята, не страшно умереть. Страшно, что Тусузов будет стоять в почетном карауле».

А довоенная дача в Ильинском? Что вспоминается? Там первые бомбежки были, которые я видел. Сразу вырыли траншеи, сверху клали бревна, и как только налет — всю дачу загоняли туда, а мы выглядывали и смотрели на трассирующие пули.

Я тоже однажды такую «красоту» наблюдал — когда Белый дом обстреливали, мы с сестрой выбежали на балкон и любовались небом, усеянным следами от пуль. Да, и мы наблюдали — летают самолетики, пули... А было это шестьдесят четыре года назад... Ужас.

И все же, если бы спросили, какое путешествие самое яркое, о чем бы вы вспомнили? Вот, скажем, на творческих вечерах актерам присылают разные записки из зала, на которые все хотят отвечать искрометно и остроумно. Я всегда думал, что так и надо. А опытные отвечающие меня научили, что вот, например, я встречаюсь, условно говоря, с редакцией газеты **Газета**. И на одну записку мне удалось необыкновенно остроумно ответить. И — чуть ли не аплодисменты. И я эту записку кладу в карман! До следующей встречи, с другими людьми. А потом эту записочку можно положить к тем, которые поступают из зала, и вновь «сымпровизировать». Среди таких вопросов есть вечный: «Ваша любимая роль», похожий на твой вопрос «ваша любимая поездка». И вот, самые наивные начинают рассказывать о каких-то ролях, а умные отвечают: «Еще не сыгранная». Так вот, любимая поездка — еще не совершившаяся.